Т. А. ГРЕБЕНЩИКОВА
И. А. ЗАЧЕСОВА

ПСИХОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСА

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УДК 159.9
ББК 88
Г 79

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается

Рецензент
доктор психологических наук *Н. Е. Харламенкова*

Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.

Г 79 Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – 208 с.

ISBN 978-5-9270-0289-4

УДК 159.9
ББК 88

Монография посвящена изучению психосоциальных факторов, влияющих на организацию и функционирование повседневного дискурса. Авторы развивают представление о его интенциональной основе. Рассмотрены механизмы дискурсивного воздействия и взаимодействия собеседников. Изучены возрастные особенности детского дискурса и понимания детской речи родителями.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2014

ISBN 978-5-9270-0289-4

Содержание

Предисловие 5

Раздел 1
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОВСЕДНЕВНОМ ДИАЛОГЕ

Глава 1. Подходы к изучению взаимодействия субъектов общения 14

Глава 2. Межличностные отношения коммуникантов в повседневном дискурсе 27

Глава 3. Коммуникативное воздействие в различных видах дискурса 33

Раздел 2
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ И ИНТЕРАКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА

Глава 1. Методики изучения и этапы исследования семейного дискурса 41

Глава 2. Ведущие интенциональные направленности коммуникантов 52

Глава 3. Интенциональный аспект взаимодействия 68

Глава 4. Взаимоотношения коммуникантов, реализуемые в диалоге 76

Глава 5. Оказание дискурсивного воздействия 89

Глава 6. Взаимопонимание коммуникантов в семейном диалоге 116

Раздел 3
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОГО ДИСКУРСА

Глава 1. Возрастные особенности детского дискурса. 132

Глава 2. Выражение интенций в детских диалогах
и их распознавание детьми и родителями 158

Литература 170

Приложения 188

Раздел I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОВСЕДНЕВНОМ ДИАЛОГЕ

В данном разделе уделено внимание описанию внутренних механизмов дискурса, функционирующего в общении: взаимодействия коммуникантов, их взаимоотношений и оказываемого воздействия друг на друга. Эти вопросы неслучайно включены в цикл исследований, посвященных интенциональной организации семейного дискурса. Во-первых, интенции, или предметные направленности субъекта, образуют основу и глубинное психологическое содержание речи, которое непосредственно связано с целями деятельности и «видением мира» субъекта, его желаниями, нуждами, установками. Во-вторых, понимание говорящего во многом определяется восприятием именно интенционального аспекта речи (Ушакова и др., 2000). В-третьих, в повседневном диалоге, обсуждая различные проблемы, высказывая свое мнение, собеседники вступают друг с другом в определенные отношения. В конечном итоге, как отмечал Б. Ф. Ломов, результат общения – это отношения с другим человеком, с другими людьми (Ломов, 1975, 1979, 1984). Формируясь и развиваясь в общении, взаимоотношения людей, в свою очередь, являются одним из условий, определяющих характер и ход коммуникации: от того, как они складываются, зависит структура диалога, используемые средства, дистанция относительно собеседника, да и само желание вести разговор с тем или иным партнером. Таким образом, в спонтанном диалоге интенции определяют то, как складывается взаимодействие коммуникантов, их отношения и как реализуется оказываемое ими воздействие на партнера по коммуникации.

Глава 1

Подходы к изучению взаимодействия субъектов общения

Под интенциональной организацией диалога в настоящей работе понимаются согласованные иерархически соподчиненные интенции коммуникантов. Три перечисленных выше аспекта взаимосвязаны между собой: взаимодействие, понимаемое как связь, опосредуемая целями говорящих (Юдин, Блауберг, 1973), имеет одной стороной воздействие, когда акцентируется ее цель (влияние на поведение или модель ситуации партнера), а другой – отношения, когда акцентируется ее форма (эмоционально близкие/дистанцированные, отношения отвержения/принятия, доминирования/подчинения и т. д.).

Следует подчеркнуть, что, как отмечают исследователи (Ломов, 1984; Залевская, 2000), психология речи и психолингвистика являются интегрирующими дисциплинами, поэтому для описания интенциональной организации дискурса мы будем обращаться и к смежным отраслям знания – социальной психологии, лингвистике, исследованиям разговорной речи и дискурс-анализу.

Различные классификации взаимодействия в общении (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, Б. Ф. Ломов) пересекаются, и в целом можно выделить три взаимосвязанных уровня описания: гностический, соотносимый с процессами познания мира и взаимопониманием, интерактивный, соотносимый с коммуникацией, и аффективно-регулятивный, связанный с воздействием, регуляцией поведения и совместной деятельности. Наиболее близкой и точно сформулированной нам представляется позиция Я. Яноушека, который рассматривает три стороны общения: во-первых, как передачу и получение информации от «говорящего» к «слушателю» и осуществляемые ими психические процессы антиципации и обратные связи; во-вторых, как вид совместной деятельности, на которую направлено общение

(инструктаж, просьба, информирование, обучение и др.), и, в-третьих, «что наиболее важно в коммуникативном общении» (Яноушек, 1982, с. 63), как стремление субъектов понять установки и взгляды друг друга, выражаемое в согласии, несогласии, сопоставлении взглядов, и т. д.

Категория взаимодействия подробно изучается в работах А. Л. Журавлева (Журавлев, 2005), который выделяет предметно-направленное взаимодействие между людьми в качестве единицы совместной деятельности, связывающей все ее уровни и компоненты: цели, мотивы, операции, результаты. Взаимодействие рассматривается как система согласованных и взаимообуславливающих действий одного человека или группы лиц. Указывается, что взаимодействие может осуществляться также и при выполнении относительно независимых индивидуальных деятельностей, хотя в этом случае каждая индивидуальная деятельность остается как бы изолированной – вне структуры совместной деятельности – и не может существенным образом повлиять на последнюю. Взаимодействие, организуя объединение, функциональное распределение и согласование деятельностей отдельных субъектов, осуществляет их интеграцию в деятельность совместную, образуя целостный коллективный субъект, обладающий качественно новыми по сравнению с индивидуальным субъектом или несвязанной группой свойствами и функциями.

Парадигмально-методологический подход к решению вопроса о том, как соотносятся взаимодействие и воздействие в общении был предложен Г. А. Ковалевым. Автор видит результат психологического воздействия как «изменение… субъективных характеристик» человека «(потребностей, установок, отношений, способностей, деятельности, поведения и т. п.) в результате взаимодействия этого человека с другим или коммуницирующей с ним системой» (Ковалев, 1987, с. 41). Выделяемые три парадигмы взаимодействия описывают соответствующие способы рассмотрения психики:

1. Объектная, или реактивная, исторически сложившаяся первой, изучает психику как пассивный объект внешних воздействий и их продукт (характерным выражением этого подхода является бихевиоризм). В соответствие этому направлению ставится императивная стратегия воздействия, подразумевающая контроль поведения, установок и принуждение индивида.
2. Субъектная, или акциональная. Процесс воздействия исследуется как результат взаимодействия субъектов, подчеркивается

активность и целостность их психического функционирования. Признается процессуальность, двусторонность воздействия, когда каждый участник взаимодействия является его объектом и субъектом одновременно. Подчеркивается, что эффекты воздействия связаны с «перцептивным выбором» коммуниканта (там же, с. 45) значений, поступающих с информацией от его окружения. Указывается, что данный подход наиболее распространен, однако он оставляет открытой морально-этическую сторону вопроса контекста воздействия, связанного с изучением его манипулятивных свойств.

3. В интерсубъектной парадигме личность понимается «как продукт и результат общения человека с другими людьми, т. е. как интерсубъектное образование» (там же, с. 46). Этот подход призван преодолеть одномерное, пессимистическое представление о субъекте, подчеркнуть его уникальность и творческое начало. Отмечается важность социального контекста, задающего эмоционально-мотивационные характеристики условий для формирования ядра личности, ее структуры.

Г. А. Ковалев обращает внимание на то, что первые две парадигмы носят монологический, оторванный от ситуации реального взаимодействия между индивидами характер, а последняя, напротив, диалогический, связанный с социальной сущностью человека, верой в возможности его постоянного развития. Эта позиция, безусловно, перекликается с системной методологией Б. Ф. Ломова.

В качестве возможного подхода к изучению взаимодействия, реализующегося в общении, Н. В. Казаринова предлагает три модели рассмотрения межличностной коммуникации (Казаринова, 2001). Линейная аналитическая модель предполагает однонаправленную передачу сообщения от отправителя к получателю, успех которой зависит от уровня «шумов» – психологических (утомление, низкая самооценка адресата и т. п.) и физических (задымленность помещения, неисправность технических средств передачи сообщения и т. п.). Как отмечает автор, подобная модель характерна именно для письменной коммуникации или обращения к аудитории, когда получатель выступает только как объект воздействия. Интерактивная аналитическая модель включает обратную связь, при которой отправитель и получатель (интерпретатор) последовательно меняются местами. Автор отмечает, что оба варианта связаны с дискретностью отдельных коммуникативных актов, что не соответствует ситуации

реального живого общения. Предлагается трансакционная модель межличностной коммуникации, которая представляет процесс взаимодействия, в котором получение, декодирование и отправление сообщений осуществляется обоими коммуникатами параллельно. «Эта модель позволяет увидеть, что дискретный акт коммуникации трудно отделить от событий, которые ему предшествуют и следуют за ним. Таким образом, коммуникация представляет собой процесс, в котором люди формируют отношения, взаимодействуя друг с другом» (Казаринова, 2001, с. 18).

Б. Ф. Ломов (1984) выделял три уровня анализа процесса общения: макроуровень – взаимодействие между индивидом и другими людьми на протяжении его жизненного пути, обусловленное его включенностью в различные социальные институты; мезоуровень – различные виды взаимодействия, осуществляемые человеком в конкретных ситуациях (игра, беседа, совместная деятельность) и, наконец, микроуровень, предполагающий изучение элементарных единиц общения как сопряженных актов (действие одного и содействие или противодействие другого).

Примечательно, что в системно-методологической концепции Б. Ф. Ломова понятия «общение» и «взаимодействие» часто используются как синонимы. А. А. Леонтьев считает, что ведущим моментом при определении общения является взаимодействие с другими людьми как обмен идеями, интересами, опосредствующий формирование установок в ситуации конкретной коммуникации и усвоение общественно-исторического опыта в более широком контексте жизни коллектива (Леонтьев, 1975).

Подход к изучению внутренних механизмов взаимодействия субъектов в коммуникации был предложен Т. Н. Ушаковой в модели, построенной на основе психологического анализа семантического содержания речи: процесс взаимодействия обусловливается передачей инвариантного «концепта» от одного субъекта к другому посредством вовлечения внутриречевого звена в процесс продуцирования и восприятия речи (Ушакова, 1979). Этот внутриречевой механизм, связанный со значением слова, «формируется в нервной системе человека на основе воспринимаемой извне речи и имеет своим выходом произносимую речь» (Ушакова, Павлова, Зачесова, 1983, с. 33). Поясняется, что базовые элементы, фиксирующие воздействие отдельного слова, формируются в нервной системе в виде «вербальных сетей», которые активируют определенный паттерн связей в соответствии с тем или иным динамическим состоянием

сетей. Это динамическое состояние связано с совокупностью условий, в которых находится субъект (установки, коммуникативный контекст и др.), когда одно и то же многозначное слово может вызвать активацию разных сопряженных с ним узлов вербальной сети.

Связь процессов мышления и взаимодействия субъектов была описана в совместной работе А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова (1990). Данное исследование опирается на субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна и на разработанную им методику подсказок. В качестве объекта исследования выступает процесс совместного решения мыслительной задачи двумя испытуемыми в условиях их непосредственного речевого общения. Анализируя процессы мышления субъектов, авторы уделили внимание процессу их речевого взаимодействия, что позволило сформулировать проблему единства мышления и общения (но не речи). Было показано, что кооперация коммуникантов, совместное продвижение в решении задачи и связанное с этим взаимопонимание соотносятся с нахождением субъектов на одной стадии анализа и принятии ими одного прогноза относительно решения задачи. Основная функция речи – коммуникативная, а познавательная функция принадлежит мышлению, при этом проблема взаимовлияния речи и мышления требует отдельного объяснения. Подчеркивается, что в живом непосредственном диалоге как в подлинной форме общения четко различимы два субъекта, в силу чего общение выступает как субъект-субъектное взаимодействие, не сводимое к субъект-объектному.

Интересными среди немногочисленных исследований, посвященных психологической проблеме диалога, представляются работы Г. М. Кучинского (1983, 1991). Было показано, что в качестве основных циклов диалогического общения при совместном решении задач являются пары «вопрос–ответ», «побуждение к действию–выполнение», «сообщение–отношение к сообщению». Примечательно, что они наблюдались как в группе взрослых испытуемых, так и детей. Многообразие сложных форм речевого общения, сложных циклов взаимодействия возникает на базе указанных элементарных циклов за счет их одно- или многократных чередований, включения друг в друга или пересечения. Анализ на основе понятий «тема», «смысловая позиция», «цикл» субъект-субъектного диалогического взаимодействия позволил автору выделить несколько типичных видов: внешний диалог, внешний монолог, внешнее простое реплицирование и псевдообщение. Эти формы соотносятся со степенью взаимообусловленности и связанности реплик коммуникантов

в диалоге. В частности, к псевдообщению отнесены такие формы «предельно ослабленного» взаимодействия, при котором партнеры не слушают и не слышат друг друга. Реплицирование проявляется в ситуации простого рассматривания картинок детьми, а подлинное субъект-субъектное взаимодействие возникает с нарастанием сложности совместной деятельности, определяемой условиями задачи. О. К. Тихомиров отмечает заслугу Г. М. Кучинского в объединении областей психологии мышления и общения, в развитии идеи диалога как взаимодействия присущих его участникам различных смысловых позиций (Тихомиров, 1984).

Очевидно, среди перечисленных работ социально-психологического и общепсихологического направления нет единой точки зрения относительно структуры взаимодействия, однако все они сходятся в том, что данная категория является системообразующей и вместе с тем недостаточно исследована. Б. Ф. Ломов, утверждая основополагающую роль взаимодействия в процессе общения, писал, что само общение «выступает как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми, как взаимодействие субъектов». В настоящей работе разделяется точка зрения о взаимодействии как двуплановом коммуникативном процессе, при котором коммуникант, реагируя на воздействие партнера, сам оказывает воздействие на него и в результате взаимодействия формируются для него как результат общения отношения с другим человеком (Ломов, 1984).

Переходя к рассмотрению речевого взаимодействия, реализуемого в дискурсе, отметим, что сегодня понятие дискурса имеет множество трактовок, и лишь в некоторых из них дискурс изучается в психологическом смысле как тип речевого взаимодействия. В современных психологических и психолингвистических исследованиях дискурса особое внимание уделяется его изучению в различных коммуникативных контекстах в связи с социокультурной ситуацией, целями, отношениями, представлениями общающихся сторон (Ю. Н. Караулов, Н. Д. Павлова, Т. ван Дейк, Р. Харре, с. Шмидт и др.). В дискурс-анализе и лингвистике дискурс понимается как способ воздействия на получателя (Р. Блакар и др.), в этнометодологическом подходе – как область взаимодействия коммуникантов в различных областях повседневной практики (Г. Джефферсон, Е. А. Щеглов и др.), в теории речевых актов – как способ достижения говорящими определенной цели (Дж. Л. Остин, Дж. Р. Серль, У. Франк и др.), в когнитивной теории дискурса – как репрезентация действительности в коммуникативном событии (К. Вейвер, с. Манн, Т. ван Дейк).

Дискурс как результат интеракции в социокультурном контексте, в свою очередь, изучается в разных аспектах. Во-первых, с позиций анализа разговора (conversation analysis), обращенного к техникам, которые говорящий использует для структурирования социальных событий (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974). Во-вторых, с помощью функционального описания и анализа текстовых единств, превосходящих по размеру предложение (Sinclair, Coulthhard, 1975; Coulthard 1992). В-третьих, как притязание на власть (Potter, Wetherell, 1987; Macdonnel, 1986), в-четвертых, как всеобъемлющее понятие для различных аспектов текстового анализа (van Dijk, 1985; и др.).

Обращенный к изучению механизмов вербального взаимодействия конверсативный анализ возник на основе этнометодологического подхода Х. Гарфинкеля, согласно которому вырабатываемые в интеракции приемы и правила являются основой социального порядка. Спонтанный бытовой разговор считается представителями этого направления базовой формой общения, и в фокусе внимания находится его интерактивная структура. Исследуя ее, представители конверсативного анализа стремятся восстановить правила, которые использует говорящий, чтобы включиться в диалог и стать его компетентным участником (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974; Goodwin, 1981; Autkinson, Heritage, 1984; Drew, Heritage, 1992,). Принцип последовательности и принцип предпочитаемой структуры, предложенные авторами, рассматриваются в качестве основы организации диалога. Согласно первому разговор реализуется в результате соответствия релевантных реплик, которые могут быть отсрочены, причем согласно второму принципу, непредпочитаемые ответы выражаются собеседниками пространно, с оправдывающими доводами, сопровождаются паузами и т. п.

Универсальные языковые закономерности спонтанного общения описываются в исследованиях разговорной речи (Koch, Osterreicher, 1990; Tannen, 1993; Китайгородская, Розанова, 2005; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981). Подчеркивается, что разговорная речь как особая языковая реальность существует во всех языках. Один из аспектов исследований – установление зависимости между структурой коммуникации и используемыми в ней языковыми средствами. В качестве условий разговорной речи, реализуемой в разных ситуациях, авторы указывают непосредственное общение и неофициальные отношения говорящих, а к факторам, влияющим на ее структуру, относят число собеседников, общность апперцепционной базы, ограниченность-неограниченность контакта во времени и пр.

В теории речевых актов (ТРА) высказывания рассматриваются как речевые действия, имеющие под собой определенные цели, в соответствии с которыми выделяется три функциональных уровня: пропозиции – указание на объекты мира и утверждения о них, иллокуции – выражение коммуникативного намерения, и перлокуции – осуществление воздействия. Исследуется вопрос о том, почему высказывание становится носителем речевого замысла (Austin, 1962; Searle, 1969). Было показано, что актуальная цель коммуникации реализуется в последовательности совершаемых собеседниками речевых актов. В. Франке предложил универсальную, неспециализированную в отношении конкретной иллокуции «парадигму» последовательности, предполагающую, что инициальный речевой акт дает на втором шаге пять вариантов ответной реакции партнера: позитивную или негативную реакцию; речевой акт, подготавливающий или обходящий решение, и противоинициальный акт (Franke, 1990).

Яркий представитель ТРА Дж. Сёрль описывает условия и правила, необходимые для успешного осуществления речевых актов (на примере обещания, просьбы, вопроса и др). Чтобы достичь своей цели, заложенной в коммуникативном намерении, речевой акт должен быть, прежде всего, уместным. Например, высказывание матери, в котором она напоминает, например, больному сыну сделать уроки, может потерпеть коммуникативную неудачу или провал (Серль, 1986). Во-вторых, для того, чтобы высказывание достигло своей цели, необходимо одновременное соблюдение нескольких условий. Так, для осуществления иллокутивного акта обещания требуется:

– приписывание говорящим самому себе совершить некоторое действие в будущем;
– желательность для слушающего обещанного действия;
– необходимость совершения говорящим специальных усилий для совершения обещанного, которое не может произойти при естественном ходе событий;
– истинность намерений говорящего совершить те или иные действия, в противном случае обещание будет обманом;
– принятие обязательств говорящим, в случае невыполнения которых можно требовать компенсации.

К направлению социолингвистического анализа коммуникации относят все те разработки, в которых анализ диалога ведется с учетом параметров, характеризующих партнеров (Van Dijk, 1985; Loef-

fler, 1989; Kalmeyer, Keim, 1988). В рамках подхода рассматривается влияние таких социальных переменных, как статус, профессия, этническая принадлежность и др. на особенности вербального взаимодействия коммуникантов (форму речи, организацию разговора, достижение взаимопонимания и т. п.). Была показана зависимость тематического репертуара от типа дискурса: в связи с групповой принадлежностью и ролевыми отношениями партнеров возникают специфические виды диалога: врачебные, театральные, «немецкие», «швейцарские», академические, мужские, женские и т. п. Особую область образуют исследования включаемых в разговор рассказов и историй, выполняющих особые коммуникативные функции – развитие отношений, проявление компетентности говорящего и т. п.

Функциональная модель Дж. Синклера и М. Кулхарда (Sinclair, Coulthard, 1975) как разновидность, описанная на примере педагогического дискурса, предусматривает пять иерархически соподчиненных уровней анализа: акт (информативы, директивы, провокации к высказыванию и т. д.) – шаг (маркер начала и окончания дискурса) – обмен (повторение, проверка) – транзакция (крупное тематическое единство) – урок. Общение учителя и учеников относительно просто по структуре, его изучение рассматривается как шаг в общей модели дискурс-анализа.

В отечественных исследованиях последнего десятилетия проблема механизма речевого взаимодействия получила развитие в рамках коммуникативного подхода в психологии речи, связанного со становлением системного подхода и психологических исследований дискурса (Ушакова и др., 2000; Павлова, 2000; Проблемы психологии дискурса, 2005; Ситуационная и личностная детерминация…, 2007; Дискурс в современном мире, 2011; и др.). На первый план в данном направлении выступает изучение интенционального аспекта речи в общении и взаимодействия смысловых позиций коммуникантов. Дискурс в рамках интент-анализа рассматривается как непосредственно «погруженный в коммуникацию текст» (Психологические исследования дискурса…, 2002), признаваемый сложным продуктом психической деятельности человека. Дискурс отражает представление человека о мире: его мнение, установки, интенции – предметные направленности речи. С одной стороны, дискурс служит собеседникам для достижения определенных целей, обусловленных конкретной ситуацией общения и общим социальным контекстом. С другой, в дискурсе собеседники вступают в социальное взаимодействие, оказывают воздействие, реализуют власть. В обеспечении

дискурсивной практики участвует сложная система знаний – «коммуникативная компетенция» говорящих, представляющая собой совокупность знаний о правилах употребления языка и общения, знания о мире в целом и различных социально-коммуникативных контекстах в частности и др.

Интент-анализ представляется нам наиболее перспективным в изучении дискурса как психологического объекта. Согласно данному подходу, речь включена в социальную практику, ориентирована на адресата, предполагает взаимодействие, воздействие, влияние (Ушакова и др., 2000; Павлова, 2000, 2002, 2003, 2007). Интент-анализ предусматривает изучение естественных речевых материалов – диалогов, полилогов, выступлений, текстов, имеющих конкретных адресатов. Следует признать, что к настоящему моменту психологические особенности спонтанной диалогической речи остаются малоизученными. Интенции, или предметные направленности говорящих (Ф. Брентано, Э. Гуссерль, А. Мейнонг), отражают их актуальное состояние, смысловые позиции, установки, видение ситуации и т. п. Интенции связаны с взаимопониманием, взаимодействием общающихся сторон и формирующихся в результате взаимоотношений собеседников (Ушакова и др., 2000).

Интент-анализ, возникший в русле системного подхода, ориентированного на целостное представление исследуемых феноменов, изучение явлений в их реальных взаимосвязях, позволяет подойти к вопросам передачи знаний, идей, образов, мнений, отношений от одного человека к другому в социальной практике. На необходимость развития исследований в этом направлении указывал Б. Ф. Ломов, подчеркивая важность проблемы формирования смысла в речи и механизмах, объединяющих действия коммуникантов (Ломов, 1984).

Интент-анализ учитывает не только конкретные интенции, выражаемые каждым речевым актом как таковым, но также их соотношения и взаимосвязь. Рассмотрению подлежат не столько отдельные высказывания, сколько целостный коммуникативный контекст, учитывающий ситуацию, в которой находятся коммуниканты. В фокусе внимания, помимо типовых намерений, – просьба, приказ, теперь находятся и комплексные интенциональные структуры – стремление представить себя в определенном свете, проявить отношение к партнеру, показать включенность в диалог и др. Авторы отдают себе отчет в ограниченности возможностей понимания речи ее адресатом и сторонним человеком, поэтому обращаются

к институциональным видам дискурса, а также диалогической речи, «обнаруживающей понимание говорящего его собеседником» (Павлова, 2002, 2003). Интент-анализ строится на субъективном оценивании, и поэтому важным этапом подхода считается валидизация результатов исследований.

Разработанная методика интент-анализа использовалась для выявления интенционального своеобразия речи в разных условиях коммуникации. Так, показано, что в условиях непосредственного взаимодействия интенциональное состояние говорящих определяет направленность разговора на себя, на партнера или на текущую коммуникацию (Ушакова и др., 2000). Наряду с интенциями, возникающими по ходу взаимодействия, движение разговора определяют более общие усилия собеседников, формирующиеся в связи с практической (профессиональной) деятельностью коммуникантов. Собеседники улавливают интенциональный подтекст, что служит важной предпосылкой координации совершаемых действий и развития разговора (Павлова, 2005; Зачесова, 2002; Гребенщикова, Зачесова, 2011; Павлова, Пескова 2012).

Одна из первых работ, выполненная в рамках подхода, относится к изучению тонкой организации взаимодействия в диалоге (Павлова, 2000). Выделяется два взаимосвязанных плана диалога: проблемный (отражающий собственно содержание общения, обмен информацией и концептуализацию полученных сведений) и план, связанный с регуляцией отношений коммуникантов (принятие/неприятие сказанного, вовлечение в диалог, выражение заинтересованности и др.). Было показано, что формы совместной познавательной деятельности, реализуемой в диалоге, зависят от складывающихся отношений: так, возникающая консолидация партнеров позволяет достичь глубокого уровня обсуждения (Павлова, 2000, 2005). Развиваемый в этой работе подход интент-анализа к изучению вербальной коммуникации учитывает установки коммуникантов, связь особенностей взаимодействия с коммуникативным контекстом.

Позднее в рамках интент-анализа был осуществлен ряд исследований, освещающих вопрос психологических оснований институциональных (политического, научного, педагогического) и диалогических (телевизионного, семейного) видов дискурса. Было показано, что интенциональное своеобразие политических выступлений составляют иерархически организованные интенциональные направленности: анализ окружающей действительности образует

нижний уровень организации, критика оппонента и апологизация своей позиции – второй, и, наконец, верхний уровень, подчиняющий себе остальные, занимает направленность на адресата (аудиторию) и оказание на него воздействия (Павлова, 2000). Описанная специфическая структура интенций в ситуации конфликтных дискуссий получила название «конфликтный треугольник». Состояние сознания участников конфликта характеризуется присутствием трех типов референциальных объектов: «Говорящий и его сторонники», «Противник» и «Третья сторона». К каждому из этих объектов направлены интенции определенного характера – одобрение, обвинение, побуждение к действиям и пр. (Ушакова и др., 2000).

Исследования в области педагогического дискурса выявили интенции, ориентированные не только на сам педагогический процесс, но и на развитие отношений учителя и ученика: с одной стороны, уточнить, указать цель стимулировать к действию, а с другой – поддержать диалог, похвалить, успокоить, передать инициативу. Причем, последние две интенции, важные для преодоления конфликта, были в репертуаре не у всех учителей, принимавших участие в исследовании (Шустова, 2005).

Представления о психологическом содержании дискурса дополнили исследования Т. А. Кубрак (Кубрак, 2007, 2009) комплексной интенции самопрезентации. Было показано, что в научном и психотерапевтическом дискурсе данная интенция включает направленность говорящего на себя (самохарактеризация) и на другого/аудиторию (воздействие). Кроме того, было показано, что выраженность самопрезентации тем сильнее, чем больше она совпадает с целями дискурса.

Исследования А. А. Григорьевой расширили представления о возможных направленностях говорящих в соотнесенности с типом дискурса: так, в масс-медийном дискурсе возникает направленность на героя передачи, на ведущего и на регуляцию разговора. Также были получены новые интересные данные о связи между интенциональными структурами и используемыми средствами речевого воздействия (Григорьева, 2012). В основе интенциональной модели воздействия лежит вероятность совместного проявления в речи тех или иных интенциональных комплексов и определенных приемов оказания воздействия, таких, как «особый жаргон», «детализация описания», «ссылки на очевидцев», «максимизация» и др.

Исследования интенциональной структуры повседневного бытового диалога (Зачесова, 2002; Зачесова, Гребенщикова, 2007; Гре-

бенщикова, Зачесова, 2012) позволили определить, что в непринужденных разговорах в домашней обстановке интенциональная направленность отвечает двум основным линиям взаимодействия. С одной стороны, это решение определенных проблем, а с другой – налаживание и поддержание межличностных отношений. Преобладание интенций соответственно проблемного и отношенческого характера определяет жанр диалога: обсуждение, инструктирование, разговор «понемногу обо всем». Обычный бытовой диалог – это диалог-обсуждение. В интенциональной организации такого диалога высока роль взаимосвязанных «парных» интенций, свидетельствующая о понимании собеседника, направленности партнеров друг на друга (обозначить проблему – задать уточняющие вопросы; высказать мнение – согласиться, возразить, высказать другое мнение; выразить сомнение – поддержать, возразить; просить совета – советовать и т. д.). Соподчиненную роль в обсуждении играют и интенции «отношенческого» плана, демонстрирующие расположение к собеседнику, стремление оживить разговор, вызвать и проявить сочувствие. Интенциональная структура диалогов, названных инструктивными, отличается большей жесткостью. Если в диалогах-обсуждениях интенции часто размыты, то в диалогах данного типа они проявляются достаточно прямо и лаконично. Диалоги типа «понемногу обо всем» имеют иную направленность, для них характерны стремления поболтать, посплетничать, поделиться переживаниями, а также поддержать собеседника. Рассказ о событиях – лишь повод к общению в данном случае, основная интенция которого – «чисто» фатическая, т. е. направленная на поддержание отношений с другим субъектом (Винокур, 1993).

Глава 2

Межличностные отношения коммуникантов в повседневном дискурсе

«Отношение к другому человеку… составляет основную ткань человеческой жизни», – писал С. Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1957, с. 263). Спектр человеческих отношений бесконечен, в них закрепляется все множество избирательных реакций субъекта и устанавливаются содержательные связи одного человека с другим (Мясищев, 1995). Повседневный диалог как базовая форма общения является одновременно средой и средством познания человеком себя, другого и окружающей действительности. Через интенциональные составляющие речи выражается психический мир субъекта, а осознание интенционального пласта речи лежит в основе взаимопонимания между людьми (Ушакова и др., 2000; Павлова, 2003).

Обращаясь к базовому понятию отношений, нельзя не согласиться с мнением В. И. Чернова, который относил отношения «к самым простым и самым общим абстракциям мира» (цит. по: Коломинский, 2010, с. 33). Я. П. Коломинский отмечает важную проблему определения понятия: оно трудноопределимо, поскольку интуитивно понятно, и само используется при объяснениях. Отношения в психологии, таким образом, несет в себе и философский смысл – «это категория, в которой выявляется родовая сущность психики, отношение сознания к материи», при этом это и «категория, в которой выявляется родовая сущность человека – отношение человека к человеку» (Коломинский, 2010, с. 35).

Собственно психологическое отношение – ключевое понятие в системе научных взглядов В. Н. Мясищева. Многообразие отношений субъекта к другому, себе и окружающему миру служит формой отражения действительности. Будучи сознательным, отражение является основой личного опыта, оно опосредует реакции на воздействия внешней среды, определяет поведение и переживания че-

ловека. Интериоризированные в структурах личности отношения образуют характер личности, определяют иерархию мотивов, целей, потребностей, влияют на формирование способностей, т. е. являются «сложной системой индивидуальных, избирательных, сознательных связей человека с… действительностью» (Мясищев, 2005, с. 6). Системообразующий характер отношений выражается в их влиянии на формирование патологического развития личности – психопатии и неврозов.

Автор отмечает, что «в системе отношений человека к действительности с исключительной убедительностью выступает доминирующая и все определяющая роль отношений к людям» (Мясищев, 2005, с. 68). В этом контексте для настоящей работы важно отметить связь категорий отношения и общения, рассматриваемую В. Н. Мясищевым. «Способом или формой общения и отношения является обращение человека с человеком», – пишет ученый (Мясищев, 2005, с. 68). Причем отношения обладают такими свойствами, как активность, избирательность, положительный или отрицательный характер. Уделяя особенное внимание процессам формирования личности в онтогенезе (как в норме, так и в патологии), В. Н. Мясищев показывает, что повторяемость того или иного отношения к ребенку в процессе воспитания влияет на образование характерологических и мотивационных черт его личности. Так, процессуальные характеристики межличностного взаимодействия становятся психологическими чертами личности: «Когда мы говорим о свойственных данному человеку доброжелательности, ответственности, правдивости, честности, самоотверженности, преданности, дружелюбии или о противоположных качествах, то речь идет об особенностях отношений» (Мясищев, 2005, с. 71). Направление, уровень и структура отношений связаны со всей системой условий, в которых воспитывается ребенок – семьей, школой, коллективом сверстников и взрослых, общественно-исторической ситуацией в целом.

О связи межличностных отношений и формирующейся личности писал Б. Г. Ананьев, развивая идею о том, что в осознании отношения к «другим людям» развиваются рефлексивные черты характера (Ананьев, 1980). Исследования роли «значимых других» в жизни человека проводятся в под руководством А. А. Бодалева и А. В. Петровского (Бодалев, 1978; Кабрин, 1978; Шкопоров, 1980; Князев, 1981; Петровский, Петровский, 1982). В качестве параметров анализа отношений в исследовании отношений к значимым